

18+

Богдан Маланин

**Стержень. 15 лет
наблюдений о мужчинах,
женщинах и конце семьи**

«Издательские решения»

Маланин Б. Ю.

Стержень. 15 лет наблюдений о мужчинах, женщинах и конце семьи / Б. Ю. Маланин — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Эта книга — пятнадцать лет наблюдений за тем, как рушится мир между мужчиной и женщиной, и честный разговор о том, почему мы разучились любить, держать слово и строить семью. Она не учит жить, она называет вещи своими именами — без прикрас, без розовых соплей и без гарантии, что вам понравится прочитанное. Книга содержит нецензурную брань.

© Маланин Б. Ю.

© Издательские решения

Содержание

К читателю	6
Глава 1. 90-е: время, когда мужчины исчезли	8
Глава 2. Сын как опора матери: мальчик, который не был ребёнком	11
Глава 3. Принцесса из коммуналки: как девочек растили «ты всего добьёшься сама»	14
Глава 4. Три круга женской власти: бабушка, мама, учительница	18
Глава 5. Побег в никуда: игры, алкоголь, криминал и потребление	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Стержень. 15 лет наблюдений о мужчинах, женщинах и конце семьи

Богдан Юрьевич Маланин
СТЕРЖЕНЬ

© Богдан Юрьевич Маланин, 2026

ISBN 978-5-0070-2490-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

15 лет наблюдений о мужчинах, женщинах и конце семьи

К читателю

Я не психолог, не социолог, не тренер по отношениям и не гуру семейной жизни. Я обычный мужик, который с 2010 года смотрит по сторонам и записывает то, что видит. Пятнадцать лет заметок в блокнотах, файлах и заметках телефона. Пятнадцать лет попыток понять, что, чёрт возьми, произошло с нами. С мужчинами и женщинами. С парами. С семьями. С самой идеей семьи.

Эта книга не научный труд. В ней не будет ссылок на исследования, статистических выкладок и сложных терминов. Она написана простым языком, потому что жизнь, которую я наблюдал, не требует для своего описания заумных слов. Моя задача одна — донести до вас ту истину, которую я вытащил из тысяч разговоров, сотен историй, собственных ошибок и чужих судеб, за которыми я следил годами.

Когда я начинал писать заметки, мне казалось, что я просто фиксирую частные случаи. Вот парень, который боится сделать предложение, потому что «надо ещё на ноги встать» — и встаёт до сорока. Вот девушка с тремя вышками, которая верит, что принц обязан найти её сам, а она пока займётся карьерой. Вот семья, которая снаружи идеальна, а внутри два чужих человека ждут, когда дети вырастут, чтобы наконец развестись. С каждым годом частные случаи складывались в систему. Я начал видеть связи. Понимать корни. Замечать закономерности.

Главное, что я понял за эти годы: мы — поколение, выросшее без отцов. В прямом и переносном смысле. Наши отцы либо физически исчезли в 90-е, уйдя в бизнес, алкоголь, депрессию или смерть, либо присутствовали как тени: вроде есть, а толку нет. Целое поколение мальчиков воспитано женщинами — матерями, бабушками, тётками, учительницами. Нас научили быть удобными, послушными, неконфликтными. Нас не научили одному — быть мужчинами.

Параллельно выросло поколение девочек. Их матери, пережив крах надежд на мужчин, внушили дочерям главную заповедь: «Рассчитывай только на себя». Девочек научили строить карьеру, получать образование, ни от кого не зависеть. Это сработало. Они выросли сильными. Только вот вместе с иллюзией, будто мужчина в доме — это опция, приятное дополнение к жизни, а не вторая половина целого. Иллюзия оказалась дорогой.

Мы встретились: удобные мальчики и независимые принцессы. И обнаружили, что не можем быть вместе. Не умеем. Не понимаем как. Она ждёт, что он поведёт, а у него нет ни привычки, ни навыка, ни желания вести — только опыт подчинения женским ожиданиям. Он ждёт, что она будет тёплой и принимающей, а её с детства тренировали быть боевой единицей. Два одиночества, которые хотят одного и того же — любви, верности, опоры, — но говорят на разных языках и играют по разным правилам.

Эта книга — не пособие «как спасти брак» и не инструкция «как стать альфа-самцом». Я никого не собираюсь учить. Я просто рассказываю, что вижу. Делюсь своими наблюдениями, мыслями, выводами. Где-то резкими, где-то неудобными. Возможно, вы не согласитесь. Возможно, захотите поспорить. Это нормально. Главное — чтобы после прочтения вы начали думать. Смотреть по сторонам. Замечать то, что раньше проходило мимо.

Эта книга — мой способ сказать то, что накопилось. 15 лет молчания и наблюдений. 15 лет тихих заметок. Пора это выпустить.

Дальше 26 глав. 26 зарубок. 26 кусков правды — как я её понимаю. Без прикрас. Без рекламы счастливой жизни. Без «десяти шагов к успеху».

Вы, конечно, можете читать их в любом порядке. Но я выстроил их так, как шло моё собственное понимание: от корней проблемы к её плодам. Первые главы — о том, откуда мы такие взялись. Средние — о том, во что превратились отношения между мужчиной и женщиной. Последние — о том, что я сам для себя понял и считаю важным. Без ложной скромности: это моя истина. Я искал её долго и платил за неё годами. Теперь она ваша.

Поехали.

Глава 1. 90-е: время, когда мужчины исчезли

Чтобы понять, что с нами стало сейчас, надо вернуться туда, где всё начинало ломаться. Не в те 90-е, которые сегодня крутят в ретро-вечеринках под «Руки Вверх» и «Ласковый май», а в настоящие. Те 90-е, в которых жили мы, тогда ещё дети и подростки, и наши родители, тогда ещё молодые люди с раздавленными надеждами.

Советский Союз рухнул в декабре 1991 года. Формально — подписание Беловежских соглашений, флаг над Кремлём, Горбачёв, Ельцин. А на деле — рухнуло всё. Не просто страна. Рухнула система координат, в которой жили поколениями. Вчера ты был инженером с дипломом, офицером с погонами, рабочим на заводе, который давал тебе зарплату, квартиру по очереди и уважение соседей. Сегодня — ты никто. Завод встал. Зарплату не платят по полгода, а если платят — то мешками сахара или коробками ступенки. Твои навыки, твой диплом, твой стаж — всё отправилось на помойку истории. Рынок начал диктовать новые правила, а ты их не знаешь. Ты учился всю жизнь одному, а нужно другое.

И вот тут мужчина — вчерашний кормилец, глава семьи, опора — оказался в положении, которого он никогда не знал. Он растерян. Он унижен. Он не может заработать. Он не может прокормить детей. Он не понимает, что делать. Жена смотрит на него и не узнаёт. Дети смотрят и не понимают, почему папа сидит дома мрачный и не ведёт их в зоопарк.

Что происходит с мужчиной, у которого отняли роль? Он не может сидеть и ждать. Мужская психика требует действия. И мужчины начали действовать. Но пути были разные.

Первый путь — бизнес. Точнее, то, что тогда называли бизнесом. Челноки, которые мотались в Турцию и Китай за шмотьём. Ларьки, которые вырастали у каждого метро. Палатки на рынках. Люди, вчера работавшие на оборонку, торговали кроссовками и сигаретами. Чтобы выжить, надо было крутиться. Это значило — уезжать на недели, на месяцы. Жить в поездах, на съёмных углах, в чужих городах. Зарабатывать копейки, которые дома казались деньгами. Такой мужчина пропадал из семьи физически. Дети видели отца раз в месяц. Он приезжал уставший, с подарками, пытался изображать папу, но уже через пару дней снова исчезал в очередной рейс.

Второй путь — криминал. 90-е были его золотым веком. Рэкет, банды, бригады, крышевание. Для многих это был единственный способ остаться мужиком — с деньгами, с силой, с уважением. Мальчишки во дворах видели этих парней на крутых тачках и хотели быть похожими на них. Но цена была известна. Тюрьма. Пуля. Или просто жизнь, где ты не принадлежишь себе. Семьи бандитов — это отдельная трагедия. Жёны, которые знали, чем занимается муж, и жили в вечном страхе. Дети, которые то купались в роскоши, то прятались по съёмным квартирам, пока папа решал вопросы с другими бригадами. Мужчина при деньгах, при власти, но домой приходил всё реже. А часто — не приходил вообще.

Третий путь — алкоголь. Самый массовый и самый страшный. Когда мужчина не мог найти себя в новой реальности, когда работы не было, когда жена пилила, а друзья сидели по домам с такими же проблемами, — водка становилась универсальным решением. Она стоила копейки. Она продавалась везде. Она выключала мозг. Ты больше не думаешь о том, что ты неудачник. Тебе больше не стыдно. Ты просто спишь, или сидишь с такими же мужиками на кухне и обсуждаешь политику, футбол, прошлое. Алкогольная смертность в 90-х взлетела до небес. Мужики умирали пачками — сердце, несчастный случай, драка, цирроз. А те, кто выжил, тихо превращались в развалин. Такой отец уже не воспитывает. Он присутствует в доме как предмет обстановки. Диван, телевизор, бутылка. Дети обходят его стороной.

Четвёртый путь — уход из семьи. Развод, другая женщина, побег. Мужчина просто не выдерживал давления. Жена, которая каждый день напоминала ему, что он никто. Дети, которых надо кормить, а нечем. Стыд, который сжирал изнутри. И он уходил. Часто — в никуда.

Просто исчезал. Мать оставалась одна с детьми. И пополняла собой армию женщин, которые тащили всё на себе.

Были, конечно, и те, кто выстоял. Кто нашёл работу, перестроился, удержался. Но их было меньшинство. Общая картина 90-х — это картина мужского отсутствия. Физического, психологического, духовного. Отец либо исчез, либо сломался, либо опасен, либо жалок. В любом случае он перестал быть тем, кем должен быть для ребёнка: фигурой силы, защиты, примера.

Теперь посмотрите на типичную квартиру середины 90-х глазами мальчика. Мама. Бабушка. Может быть, тётя или старшая сестра. Женский мир. В этом мире свои законы, своя атмосфера, свои правила игры. Всё крутится вокруг выживания и быта. Где достать еду. Как растянуть деньги до получки. Как починить кран, не вызывая мастера, потому что мастер — это дорого. Как справиться с очередной бедой, не привлекая мужчину, потому что мужчина либо отсутствует, либо бесполезен. Женщины в этом мире — героини. Они тащат, пашут, крутятся, выживают и спасают детей. Честь им и хвала, они сделали невозможное. Но мальчик, растущий в этом мире, впитывает определённый урок.

В женском мире мальчика любят иначе, чем в мужском. Его любят за то, что он удобный. Тихий, послушный, неконфликтный. Маме и так тяжело — не надо её расстраивать. Бабушке и так хватает забот — не надо огорчать бабушку. Будь хорошим мальчиком. Сиди спокойно. Не бегай. Не кричи. Не дерись. Не лезь куда не просят. Веди себя прилично.

Мужские качества, которые во все времена требовали огранки и воспитания, — инициатива, риск, умение постоять за себя, способность нарушать правила, когда это необходимо, готовность к конфликту ради защиты своих, — в женском мире воспринимаются как брак. Как проблема. Как то, что надо исправить. Мальчик, который дерётся — хулиган. Который спорит — дерзкий. Который лезет на дерево или на стройку — дурак без чувства самосохранения. Который отстаивает своё мнение — не уважает старших. И мальчика исправляют. Дрессируют. Обстригают, как палку, убирая всё, что торчит. Чтобы был гладенький. Удобненький. Хороший.

Проблема в том, что из хороших мальчиков не вырастают мужчины. Из них вырастают послушные мужчины. А это совсем другое. Послушный мужчина — это тот, кто всю жизнь ждёт указаний. Кто боится брать на себя ответственность, потому что в детстве за любую инициативу получал по шапке. Кто не умеет принимать решения, потому что решения всегда принимала мама. Кто не знает, как защитить свою женщину, потому что его самого защищали женщины. Кто не понимает, как вести семью, потому что в его родной семье никто никого не вёл — просто плыли по течению.

Добавим к этому, что в школе та же история. Учитель — почти всегда женщина. Советская, а потом и постсоветская школа — это женское царство. Учительница-женщина формирует правила под себя: сиди ровно, говори когда спросят, не умничай, не выделяйся, будь как все. Мальчишеская энергия, которая должна выходить через движение, соревнование, борьбу, — подавляется. Перемены короткие, побегать нельзя, подраться нельзя. Надо сидеть и слушать. Девочкам это даётся легче в силу их природы. Мальчикам — мучительно. Но их никто не спрашивает. Их просто записывают в «трудные дети» и начинают лечить таблетками или дисциплиной.

А где в это время отец? Даже если он физически присутствует в доме, он не является для мальчика моделью мужского поведения. Почему? Потому что его статус в доме подорван. Мать и бабушка могут его жалеть — это один вариант. Могут презирать — вариант второй. Могут терпеть, вздыхая и закатывая глаза при каждом его появлении — вариант третий, самый распространённый. В любом из этих сценариев мальчик считает: мужчина — это не авторитет. Мужчина — это проблема. Его надо обслуживать, о нём надо заботиться, от него одни

неприятности. Быть мужчиной — стыдно. Мальчик не хочет вырасти таким же. Он не хочет быть похожим на отца. И тут возникает вопрос: а на кого тогда?

Вот тут в игру вступает телевизор. Он в 90-х работает почти круглосуточно, потому что других развлечений нет. Какие образы мужчин видит мальчик на экране? Бандиты из «Бригады» и «Улиц разбитых фонарей»: сильные, жестокие, с оружием, решающие вопросы силой. Это опасный образ, но в нём хотя бы есть сила. Комические персонажи из ситкомов: муж-дурак, над которым смеётся умная жена. Это образ ничтожного мужчины, который ничего не может, всё портит и существует только для того, чтобы жена героически исправляла его ошибки. Иностранные боевики: одинокий герой без семьи, без обязательств, который спасает мир и уходит в закат. Тоже без семьи, заметьте. Где образ нормального отца? Где образ мужика, который каждый день встаёт на работу, приходит домой, говорит с женой, учит сына, держит слово, чинит табуретку и планирует отпуск? Этого образа на экране нет. Он не интересен сценаристам. Он не даёт рейтингов.

Мальчик растёт в информационном вакууме мужского. Он не слышит мужских разговоров. Не видит мужского труда. Не участвует в мужских делах. Никто не учит его забивать гвозди, разводить костёр, принимать удары, держать слово, защищать слабых, уважать старших и отвечать за младших. Вместо этого его учат мыть посуду, не разбрасывать носки, говорить спасибо и пожалуйста, не шуметь, когда у мамы болит голова. Всё это прекрасные вещи, но они не делают из мальчика мужчину. Они делают из него воспитанного человека. А это не синонимы.

Параллельно в соседней комнате, а может, и в этой же, растёт сестра. Девочка. Она видит ту же картину: отец отсутствует, унижен или опасен. Мать, бабушка, тётки — женщины, которые тянут всё. Они усталые, сильные, выносливые, но глубоко несчастные в женском смысле. У них нет мужской заботы. Они не могут расслабиться, потому что тогда всё рухнет. Они не могут побыть слабыми, потому что не на кого опереться. И девочка, глядя на них, делает простой детский вывод: мужикам доверять нельзя. Мужики — это те, кто бросают. Ломаются. Пьют. Исчезают. Приносят проблемы. А значит, надо рассчитывать только на себя.

Этот вывод мать и бабушка охотно подтверждают прямым текстом. «Учись, дочка, чтобы ни от кого не зависеть». «Не будь душой, не повторяй мою судьбу». «Мужикам нужно только одно, а всё остальное делай сама». Эти фразы девочка слышит с детства. И впитывает. Она ещё не знает, что такое брак, семья, любовь. Но она уже знает главный закон: мужчина — не опора. Мужчина — это то, от чего надо страховаться. Школа закрепляет этот урок. Девочек хвалят за прилежность и исполнительность. Им говорят, что они будущие хозяйки, матери, но одновременно — что они должны строить карьеру. Школа возится с девочками как с благодатным материалом, и мальчики видят это и чувствуют себя вторым сортом. А девочки видят, что мальчики — вторым сортом, и делают очередной вывод: я лучше сама.

К концу 90-х, на пороге нового тысячелетия, мы получили уникальную ситуацию. Целое поколение мальчиков, выросших без мужского влияния, и целое поколение девочек, выросших с установкой, что мужчина не нужен. Они ещё не встретились. Они ещё сидят за партами, играют во дворах, смотрят одни и те же фильмы и не знают, что через десять-пятнадцать лет им предстоит создать семьи. Или попытаться.

Но когда они встретятся — это будет столкновение двух миров, которые не совпадают ни по одной координате. Он будет ждать, что его примут и похвалят, как мама. Она будет ждать, что он поведёт и защитит, как в кино. Он не умеет вести. Она не умеет принимать. Два батальона, которых готовили к разным войнам, вдруг оказались на одном поле и должны изображать армию союзников.

Что из этого вышло — в следующих главах.

Глава 2. Сын как опора матери: мальчик, который не был ребёнком

В прошлой главе мы говорили о том, как мужчины исчезали из семьи. Уходили в бизнес, в алкоголь, в криминал, в никуда. Теперь давайте посмотрим, что происходило с теми, кто остался. С мальчиками. С теми самыми сыновьями, которые росли без отцов, но зато с матерями, бабушками и их бесконечной тревогой.

Когда отец исчезает — физически или психологически, — в семье образуется вакуум. Раньше было двое взрослых. Теперь осталась одна. Женщина. Она тянет быт, деньги, детей, решения, школу, врачей, ремонт и всё остальное. Она смертельно устает. Ей нужна помощь. Ей нужна поддержка. И она, часто неосознанно, ищет эту поддержку в единственном доступном человеке — в сыне.

Так начинается история, которую психологи позже назовут парентификацией. Это когда ребёнок становится эмоциональным или функциональным партнёром родителя. Но для мальчика из 90-х это не научный термин. Это реальность. Ему десять, двенадцать, четырнадцать лет. Он ещё сам нуждается в опоре. Он ещё не сформирован, у него нет своего стержня. Но мама уже смотрит на него с ожиданием. «Ты мой единственный мужчина». «Мы с тобой вдвоём против всего мира». «Не бросай меня никогда». «Скажи мне, что я ещё красивая».

Слышали такие фразы? Они звучат в тысячах кухонь. Мать говорит это не со зла. Она сама не понимает, что делает. Ей действительно тяжело. Она действительно одна. Ей нужно, чтобы кто-то был рядом. Просто этим «кем-то» оказывается её собственный ребёнок. И она вешает на него груз, который ему не по силам.

Мальчик принимает эту роль. Не из героизма. А из любви. Он видит, как маме плохо. Он хочет помочь. Он не знает, что эта помощь непосильна для детской психики. Он соглашается быть маленьким мужчиной в доме. И постепенно перестаёт быть ребёнком.

В чём это проявляется? Мальчик становится маминым доверенным лицом. Он выслушивает жалобы на отца, даже если отец ещё в доме. «Твой папаша опять ничего не сделал». «Твой отец ни на что не годен». «Посмотри на него — и никогда таким не будь». Мальчик слушает. Впитывает. Он ещё не умеет критически оценивать слова взрослых. Мама для него — истина. Если мама говорит, что папа плохой, значит, папа плохой. Значит, мужчины — это что-то ущербное. Это стыдно. Надо быть другим. Надо быть не таким, как отец.

А каким надо быть? Таким, какого хочет мама. Удобным. Заботливым. Понимающим. Чувствительным. Мальчик учится угадывать женское настроение. Он знает, когда мама грустная, когда у неё болит голова, когда лучше не подходить, а когда надо обнять и сказать что-то ласковое. Он становится эмоциональным мужем при собственной матери. Он обслуживает её чувства. Он — контейнер для её тревоги, страхов, обид. Ему двенадцать, а он уже психотерапевт с дипломом, которого никто не выдавал.

Это формирует определённый тип мужчины. Назовём его «мужчина-угодник». Взрослый парень, который с женщиной не строит партнёрство, а подстраивается. Который чувствует себя ответственным за её эмоции. Если она недовольна — это его вина. Если она плачет — он должен срочно всё исправить. Если она злится — он сделал что-то не так. Он не знает, что взрослые люди сами отвечают за свои чувства. Он с детства приучен, что женские эмоции — это зона его ответственности. И он тащит это во взрослую жизнь, в свои отношения.

Теперь добавьте сюда чувство вины. Мальчик видит, как мать надрыдается на двух-трёх работах. Как она устает. Как у неё нет личной жизни. И он думает: это из-за меня. Если бы меня не было, ей было бы легче. Это детская магическая логика, но она очень сильная. Ребёнок эгоцентричен по природе, он искренне верит, что мир крутится вокруг него. Значит, если

маме плохо — это он виноват. Он должен искупить. Быть идеальным. Не создавать проблем. Приносить пятёрки. Не болеть. Не просить дорогих игрушек. Не расстраивать.

Так вырастает мальчик, который никогда не был ребёнком. У него украли детство. Он не наигрался, не набегался, не нахулиганился, не разбил коленки, не получил подзатыльник от отца за разбитое окно. Он сразу стал взрослым. Вернее, он стал играть взрослую роль. Но внутри так и остался испуганным ребёнком, который хочет, чтобы мама была довольна.

Этот механизм имеет долгие последствия. Во-первых, мальчик привыкает к женскому контролю. Мама знает лучше. Мама решает, что ему носить, что есть, в какую секцию ходить, с кем дружить. Он не учится принимать решения самостоятельно. У него нет опыта собственного выбора и ответственности за него. Когда он вырастет, он будет ждать, что женщина рядом с ним возьмёт на себя эти функции. Скажет, куда идти, что делать, как жить. А потом он будет её же тихо ненавидеть за этот контроль. Потому что с мамой это работало. С женой — нет. С женой хочется быть мужиком, но навыка нет.

Во-вторых, мальчик привыкает к женскому одобрению как к единственному источнику самооценки. Мама похвалила — я хороший. Мама расстроилась — я плохой. Своих критериев оценки у него нет. Мужских ориентиров нет. Отец либо отсутствует, либо дискредитирован матерью. И мальчик не знает, что такое «мужчина» сам по себе. Он знает только, что такое «хороший сын». Это два разных существа. Хороший сын — это функция. Мужчина — это сущность. Хорошего сына любят за то, что он удобный. Мужчину уважают за то, что он имеет стержень. Стержень — это способность стоять на своих ногах, иметь свои принципы, принимать свои решения и отвечать за них. Стержень не формируется в условиях постоянного женского контроля. Для стержня нужен отец. Или другой значимый мужчина. У мальчика из 90-х его чаще всего не было.

В-третьих, формируется специфическое отношение к женщинам вообще. Мама — святое. Мама — это та, кто вытянула, накормила, пожертвовала всем. Мама — это критерий женщины. И когда такой мальчик встречает реальную девушку, он подсознательно требует от неё того же, что давала мама: безусловного принятия, заботы, терпения, растворения в нём. Но девушка не мама. Она не хочет быть мамой. Она хочет быть женщиной. А это другое. Она не собирается обслуживать его эмоции, угадывать его настроение, терпеть его пассивность и называть это заботой. Начинается конфликт.

Бывает и обратная сторона. Некоторые мальчики, вырастая, объявляют войну матери. Они понимают, что мать их «съела», лишила воли, сделала удобным. И начинается бунт. Но бунт этот направлен не на то, чтобы стать самостоятельным. А на то, чтобы доказать матери, что он мужик. То есть всё равно всё крутится вокруг материнской фигуры. Он выбирает женщин, которые не понравятся маме. Он делает карьеру, которую мама осудит. Он живёт не свою жизнь, а жизнь «назло маме». А это та же зависимость, только с обратным знаком. Потому что по-настоящему свободный человек не доказывает ничего ни матери, ни кому-либо ещё. Он просто живёт своё.

Давайте копнём глубже. Что такое материнская любовь в этой ситуации? Это любовь, которая часто граничит с собственничеством. Мать, у которой нет мужа, вкладывает в сына всё. Он — её проект. Её смысл жизни. Её единственная радость. И она не готова его отпускать. Она будет саботировать его отношения с девушками. «Эта тебе не пара». «Она тебя не достойна». «Ты посмотри, как она на тебя смотрит, ей только деньги нужны». Она будет консультировать с его избранницей. Устраивать сцены. Манипулировать здоровьем. «Я для тебя всё, а ты променял меня на эту...» И сын разрывается. Между матерью и женщиной. Между виной и желанием жить своей жизнью. Многие так и не выбирают. Застревают. Остаются с мамой до тридцати-сорока лет. Или женятся, но каждый вечер звонят маме, и мама по-прежнему главная женщина в их жизни. Жена это чувствует. Жена бесится. Жена уходит. Мама торжествует. Круг замкнулся.

Вот реальность, из которой вышли миллионы современных мужчин. Их не учили быть мужьями, отцами, лидерами. Их учили быть хорошими сыновьями. Быть мальчиками. Послушными, удобными, безопасными. Они вошли во взрослую жизнь с этим багажом. И встретили там женщин, которых растили совсем иначе.

Глава 3. Принцесса из коммуналки: как девочек растили «ты всего добьёшься сама»

Пока мальчики становились удобными сыновьями, в соседней комнате, а часто и в той же самой, росла она. Девочка. Будущая женщина, которой предстояло с этими мальчиками однажды встретиться и попытаться что-то построить. И если мальчиков 90-е и нулевые лишили мужского примера, то девочек они наградили примером совсем другого рода. Примером женщины, которая тащит всё на себе. Усталой, выносливой, героической и совершенно не умеющей быть счастливой в паре.

Главный воспитатель девочки в те годы — мать. Но это не просто мать. Это мать, которая уже прошла через развал Союза, через 90-е, через исчезновение мужа — физическое или психологическое. У неё за плечами опыт потерь и разочарований. Она когда-то тоже выходила замуж, мечтала о семье, верила, что «жили они долго и счастливо». Реальность разбила эту мечту вдребезги. И теперь у неё растёт дочь. И мать полна решимости: с дочерью это не повторится. Она не допустит, чтобы её девочка повторила её судьбу.

С этого начинается специфическое воспитание девочек, которое я называю «воспитанием принцесс в коммуналке». Коммуналка — это метафора. На самом деле это может быть и однушка в хрущёвке, и комната в общежитии, и бабушкина квартира, где живут три поколения женщин. Суть не в квадратных метрах. Суть в установке, которую девочка получает с пелёнок: «Ты должна быть сильной. Ты должна всего добиться сама. Мужчины — это обуза. Рассчитывай только на себя. И в то же время будь принцессой, которую должны добиваться и носить на руках».

Замечают противоречие? Оно вшито в код воспитания целого поколения женщин. С одной стороны, девочку учат быть независимой. Хорошо учись, поступай в вуз, строй карьеру, зарабатывай, имей своё жильё, ни от кого не зависи. С другой стороны, ей внушают, что она — особенная. Принцесса. Что она достойна самого лучшего просто потому, что она есть. И между этими двумя полюсами — «будь сильной и самостоятельной» и «ты принцесса, тебе должны» — возникает чудовищное напряжение. Оно рвёт девочку на части, а потом будет рвать её взрослые отношения.

Давайте разберём первый полюс. «Рассчитывай только на себя». Мать говорит это не из жестокости. Она говорит это из страха и боли. Она сама когда-то рассчитывала на мужика. И что вышло? Она осталась одна, с детьми, без денег, без поддержки. Мужик либо ушёл, либо запил, либо просто лежал на диване, пока она крутилась. И мать делает простой, понятный, но убийственный для будущего семьи вывод: «Дочка, никому не верь. Верь только себе». Девочка принимает это как аксиому.

Дальше — школа, институт. Там девочек хвалят. В отличие от мальчиков, которые вертятся, отвлекаются и требуют дисциплинарных мер, девочки в массе своей удобны системе. Они усидчивы, прилежны, исполнительны. Учительницы, сами прошедшие похожий путь, ставят девочек в пример. «Посмотрите на Машу, она молодец, а вы, мальчики, одни проблемы». Маша впитывает: быть хорошей — значит быть успешной. Быть хорошей — значит соответствовать ожиданиям старших. Маша привыкает быть отличницей. Привыкает к тому, что её ценят за достижения.

Институт закрепляет. Девушка получает образование, строит планы. Она уже знает: я должна быть успешной. У меня должна быть карьера, зарплата, статус. Это здоровая часть установки, и в ней нет ничего плохого. Плохое начинается тогда, когда к ней добавляется второй полюс — «я принцесса, мне должны».

Откуда берётся второй полюс? Оттуда же, от матери. Та же самая мать, которая твердит про независимость, одновременно транслирует дочери: «Ты у меня самая красивая. Самая умная. Ты достойна принца. Не разменивайся на кого попало. Мужик должен быть обеспеченным, с квартирой, с машиной, с перспективами. Ты не для того училась, чтобы выйти за простого работягу». Мать не хочет, чтобы дочь повторила её судьбу и прозябала с неудачником. И она формирует у дочери завышенные ожидания от партнёра.

Плюс к этому подключается массовая культура. Фильмы, сериалы, глянцевого журналы нулевых. Они рисуют образ идеального мужчины: богатый, заботливый, щедрый, красивый, умеет решать проблемы, не пьёт, не изменяет, при этом не маменькин сынок, а зрелая личность. И всё это в одном флаконе. Девочка сравнивает реальных парней, с которыми сталкивается в жизни, с этим образом. Реальные парни проигрывают. Они бедноваты, не уверены в себе, не знают, как себя вести, иногда тупят, иногда косячат. У них нет готового сценария, как покорить принцессу. Они вообще не знают, кто они без мамы.

Вот тут и начинается ключевое противоречие. Девушка, с одной стороны, не хочет зависеть от мужчины. У неё своя карьера, свои деньги, своя квартира. Она не собирается быть домохозяйкой и обслуживать мужа. Но с другой стороны, она требует, чтобы мужчина был «стеной». Чтобы он был сильнее, успешнее, богаче. Чтобы он был опорой. Вопрос: если она сильная, успешная и независимая, зачем ей опора? И если она требует опоры, то готова ли она в ответ быть не опорой, но чем-то не менее важным? Это противоречие не проговаривается. Оно живёт в подсознании и отравляет отношения.

Девочка вырастает с короной на голове. Корона эта не означает высокомерия, хотя иногда переходит и в него. Чаще она означает неосознанное ожидание, что мир и мужчина в частности должны соответствовать определённым стандартам, просто потому что она — это она. Она не учится искусству быть в паре. Не учится уступать. Не учится принимать несовершенство другого человека. Её не учили, что партнёрство — это работа, а не награда. Её учили, что партнёрство — это когда приходит идеальный мужчина и оценивает её по достоинству.

Вот тут самое время включить единственный за главу — и заслуженный — пример из культуры. Фильм режиссёра Василия Сигарева «Жить» (2012). Это, пожалуй, один из самых страшных и точных портретов поколения, которое мы обсуждаем. Там три сюжетные линии, и все они — о том, как разрушаются связи между людьми. Молодая девушка, которая хочет любви, но не умеет её построить. Парень, который пытается быть мужиком, но не знает как. Священник, у которого собственный кризис веры. И над всем этим — холод, распад, отсутствие чего-то общего, что держало людей вместе раньше. Фильм жёсткий, практически хроника. У него нет розовых соплей. В нём есть правда. И когда смотришь его сегодня, понимаешь: Сигарев ещё тогда, в 2012-м, зафиксировал ту реальность, к которой мы пришли через 10—15 лет после 90-х. Реальность, где люди хотят любви, но не способны удержать её дольше вспышки.

Золушка из советского фильма знала, чего хочет, и в неё верил весь зал. Но она была готова работать. Она мыла полы и перебирала крупу, и даже тогда в ней был внутренний свет. Её принц был наградой за доброту и силу духа. Сегодняшняя принцесса хочет принца без Золушкиного этапа. Без работы над собой. Без смирения. Без терпения.

К тридцати годам многие из этих девочек приходят с прекрасным образованием, хорошей должностью, ипотекой на студию и полным непониманием, почему личная жизнь не складывается. Они либо одни, либо перебрали десяток вариантов, которые все оказались «недостаточными». Либо в отношениях, которые разваливаются, потому что мужчина «не тянет». Он мало зарабатывает. Он не проявляет инициативу. Он какой-то бесхребетный. Он не опора. Она смотрит на него и видит не партнёра, а очередной проект, который надо дотягивать до идеала. И либо устаёт тащить этот проект, либо устаёт ждать, пока проект сам себя проявит.

Но самый болезненный вариант — это когда к тридцати годам она остаётся не просто одна, а одна с ребёнком. И вот тут начинается настоящий ад, которого она никак не ожидала. Тот самый ад, о котором ей не рассказывала мама, потому что мама сама прошла через это и не хотела пугать.

Она познакомилась с парнем. Может, он был симпатичный, весёлый, говорил правильные слова. Может, она и сама понимала, что не тянет он на «того самого», но часики тикали, подружки уже с колясками, мама намекает: «Когда внуков-то?». И она решилась. Родила. А потом он ушёл. Или она его выгнала. Или он вроде бы есть, но толку от него как от того самого дивана из её детства: занимает место, издаёт звуки, денег не приносит. И она остаётся одна. С ребёнком на руках. В съёмной квартире или в ипотечной студии, за которую надо платить.

И начинается бег. Бег по кругу, который она видела в детстве, только теперь она не зритель, а участник. Детский сад с семи утра, потому что к девяти на работу. Вечером забирать, тащить домой в переполненном автобусе, готовить, стирать, лечить сопли, проверять домашку — хотя какая домашка, если ребёнку три года и он просто хочет внимания. А она выжата как лимон. Выходные — это не отдых, это попытка переделать всё, что не сделано за неделю. Подружки звонят всё реже: кому охота слушать про детские болезни и нехватку денег. Родственники помогают, но с таким лицом, что лучше бы не помогали.

Она пытается строить новые отношения. Но теперь у неё прицеп. Ребёнок. И это меняет всё. Мужчины, которые ещё как-то интересуются, делятся на две категории. Первые исчезают сразу, как узнают, что у неё ребёнок. Просто пропадают из чатов, не перезванивают, становятся занятыми навсегда. Они не хотят «чужого ребёнка». Они хотят свободную женщину без прошлого и без обязательств. Вторые вроде бы не против. Они говорят: «Я люблю детей». Но через месяц выясняется, что любить детей и нести за них ответственность — это две разные галактики. Одно дело — поиграть с малышом полчаса в выходной. Другое — вставать к нему ночью, откладывать деньги на секции, терпеть его истерики и слушать от него «ты не мой папа, отвали».

И она мечется. Между работой, ребёнком, бытом, попытками найти «того самого» и ощущением, что жизнь проходит, а она всё бежит по кругу, как белка в колесе. Она видит, как её ровесницы, у которых «всё сложилось», ходят с мужьями в рестораны и ездят в отпуск. И она не понимает, почему у них сложилось, а у неё нет. Она же всё делала правильно. Училась. Работала. Не была душой. Не вешалась на первого встречного. Почему же она одна?

Ответ простой и страшный: ей никто не объяснил, что такое партнёрство. Она не знает, как строить отношения. Она знает, как выживать. Этому её научили отлично. А как быть в паре — нет. Как выбирать мужчину не по внешним признакам, а по внутренней способности быть опорой — этому в школе не учат. Как отличать слова от намерений, ухаживания от ответственности, страсть от любви — это она должна была узнать от матери. Но мать сама не знала. Или знала, но не успела рассказать.

И вот она сидит ночью на кухне, пока ребёнок спит. Листает приложения знакомств. Смотрит на лица мужчин, которые либо разведены с такими же проблемами, либо никогда не были женаты и не знают, чего хотят. Пишет кому-то, получает в ответ что-то невнятное. И чувствует, как внутри нарастает тоска. Не одиночество даже. А ощущение, что её обманули. Что ей обещали одно, а дали другое. Что корона, которую ей надели в детстве, никому не нужна. Что принцев не существует. Что ей тридцать, у неё ребёнок, ипотека и полное непонимание, как жить дальше.

Это не единичная история. Это судьба целого пласта женщин, которых воспитали принцессами, но забыли научить быть королевами. Королева — это не та, кто ждёт, что ей принесут мир на блюдечке. Королева — это та, кто умеет строить королевство вместе с королём. Но для этого нужен король. А королей вырастили мало. Их вырастили удобными пажами, которые подают корону, но не знают, что с ней делать дальше.

Парадокс в том, что эти женщины действительно сильные. Они выжили в условиях, в которых мужики ломались. Они выучились, выстроили карьеру, добились независимости. Они заслуживают уважения. Но им никто не сказал важной вещи. Сила женщины не в том, чтобы заменить мужчину, а в том, чтобы быть рядом с ним. Дополнять. Создавать пространство, в котором мужчина может проявить свою силу, а не конкурировать с ней. Этому не учат в школе. Этому не учат матери, которые сами этого не умели или забыли от усталости. И девочки выходят в жизнь сильными, вооружёнными дипломами и резюме, но совершенно не вооружёнными для совместной жизни.

Встреча этих двух миров — мира удобного мальчика и мира независимой принцессы — неизбежна. Они встречаются на свиданиях, в приложениях, на вечеринках. Она ждёт принца. Он не знает, как быть мужчиной. Она оценивает его по шкале «достаточности». Он боится этой оценки, но не показывает страха. Они начинают разговор, но говорят на разных языках. Она говорит: «Что ты можешь мне дать?» Он слышит: «Ты недостаточен». Он замыкается. Она разочаровывается. Оба расходятся с чувством, что «нормальных мужиков не осталось» и «все бабы хотят только денег». И оба по-своему правы. Только правда эта — результат двадцати лет воспитания, которое готовило их не друг для друга, а для выживания поодиночке.

Глава 4. Три круга женской власти: бабушка, мама, учительница

В предыдущих главах мы говорили о том, как 90-е выбили отцов из семьи, а матери сделали сыновей эмоциональными партнёрами. Но был ещё один фактор, о котором редко говорят вслух. Мальчик, выросший без отца, попадал не просто под влияние матери. Он попадал в систему. В целую машину женского воспитания, которая состояла из трёх кругов. Три круга женской власти: бабушка, мама, учительница. И каждый круг обрабатывал его по-своему.

Первый круг — бабушка.

Бабушка в 90-е и нулевые — это особая фигура. Она не просто родственница. Она — хранительница быта, традиций и тревоги. Часто именно бабушка сидела с ребёнком, пока мать работала на двух-трёх ставках. Бабушка кормила, одевала, водила в поликлинику, проверяла уроки. И бабушка транслировала мальчику определённую картину мира.

Бабушка — это человек, который помнил советскую власть, войну, послевоенную разруху, очереди за хлебом. Она прошла через лишения, которые нам не снятся. И её главный урок мальчику звучал так: «Жизнь — это опасно. Не высывайся. Будь тихим. Ешь суп. Одевай шапку». Бабушка любила мальчика, но её любовь была тревожной, обволакивающей, лишаящей инициативы. Она не хотела, чтобы внук рисковал. Она хотела, чтобы он выжил. И она формировала в нём модель поведения, которую можно назвать «сиди и не рыпайся».

Бабушка не интересовалась мужскими качествами мальчика. Ей было всё равно, научится ли он давать сдачи, лазить по деревьям, разводить костёр, терпеть боль. Ей было важно, чтобы он был сыт, одет, здоров и не создавал проблем. Мужские игры её пугали. Мужские драки — ужасали. Мужской риск казался ей глупостью. И она пресекала это. Не со зла. Из любви. Но результат был тот же: мальчик не получал опыта мужского поведения.

Добавьте сюда бабушкину религиозность или суеверность. Многие бабушки того времени были воцерковлены или несли в себе смесь православия, народных примет и советских табу. Они учили мальчика, что «Бог накажет», «не гневи Бога», «это грех». Понятие греха накладывалось на естественные мальчишечьи проявления: любопытство к телу, интерес к девочкам, желание подраться, азарт. Всё это объявлялось стыдным и грязным. Мальчик привыкал, что его желания — это что-то запретное. Что его тело и его порывы — это повод для вины.

Так работал первый круг. Бабушка закладывала фундамент: мир опасен, ты уязвим, не высывайся, твои желания стыдны.

Второй круг — мама. О ней мы уже много говорили в Главе 2. Но сейчас важен другой аспект. Мама для мальчика — это не просто воспитатель. Это главный источник любви. И мама, в отличие от бабушки, была моложе, активнее, она ещё строила свою жизнь. У неё были свои обиды на мужчин, свои разочарования, свои мечты, которые не сбылись.

Мама видела в сыне проект. Не всегда осознанно, но часто. Сын должен был стать тем, кого она не встретила в своей жизни. Настоящим мужчиной. Но парадокс в том, что мама не знала, что такое настоящий мужчина. Она знала только, чего ей не хватило с её мужем или партнёром. Ей не хватило внимания — сын должен быть внимательным. Не хватило понимания — сын должен понимать. Не хватило заботы — сын должен заботиться. То есть мама формировала в сыне образ идеального мужчины по женскому запросу. А женский запрос, как мы уже говорили, часто противоречив: «будь сильным, но слушайся меня». «Будь лидером, но делай так, как я говорю». «Будь самостоятельным, но не уходи далеко».

Мальчик не может разрешить это противоречие. Он не может быть одновременно ведущим и ведомым. Он выбирает подчиниться, потому что мама — главный источник любви и

безопасности. Бунтовать страшно. Он учится быть удобным. Он учится угадывать. Он становится мастером женского настроения — и профаном в собственных желаниях. Он перестаёт понимать, чего хочет сам. Он знает только, чего от него ждут.

Третий круг — учительница.

Это, возможно, самый недооценённый фактор. Школа в России — это женское царство. В начальных классах мужчина-учитель — исчезающий вид. В средних — почти такая же картина. Мальчик приходит в школу в семь лет и попадает в ещё один женский мир. Только теперь это мир не любви, а дисциплины.

Учительница — это женщина, у которой тридцать человек в классе, программа, отчётность, проверки. У неё нет времени разбираться в психологии мальчиков. Ей нужно, чтобы класс сидел ровно, слушал и выполнял задания. Мальчики, с их энергией, потребностью в движении, склонностью к конкуренции и выяснению отношений, для неё — проблема. Они нарушают порядок. Они вертятся, разговаривают, дерутся, не слушают. И учительница начинает их исправлять.

Как она это делает? Она их стыдит. Сравнивает с девочками. «Посмотрите на Женю, как она хорошо сидит, учит всё и знает, кем станет. А ты, Маланин, опять ворон считаешь и со своим дружком дерешься, ничего из тебя путного не выйдет.». Девочки в младшей школе действительно в среднем легче адаптируются к статичному режиму. Они более усидчивы, более послушны. И учительница использует их как эталон для мальчиков. Мальчик слышит: девочки — это хорошо, мальчики — это плохо. Слышит это годами. И впитывает: быть мальчиком — стыдно. Быть мужчиной — неправильно. Хорошо быть девочкой.

Это не злой умысел учительниц. Они сами воспитаны в той же системе. Они не знают, как работать с мужской энергией. Их никто этому не учил. Они делают как могут. Но результат тот же: школа подавляет в мальчике мужские качества. Не развивает, а давит. Инициатива наказывается. Активность пресекается. Конкуренция объявляется хулиганством. Единственная допустимая модель поведения — сидеть тихо, поднимать руку, отвечать когда спросят.

Мальчик проводит в школе одиннадцать лет. Одиннадцать лет он находится под контролем женщин: учительниц, завучей, директрис. Он почти не видит мужчин-педагогов. Не видит мужского стиля общения, мужского юмора, мужской требовательности, мужской похвалы. Он не знает, как мужчина оценивает мужчину. Он знает только, как женщина оценивает мальчика. А женщина оценивает его по критериям удобства и послушания.

В старших классах появляются мужчины-учителя: физкультурник, трудовик, иногда физик или историк. Но их мало, и часто они сами сломлены системой. Они либо подстраиваются под женский стиль управления школой, либо превращаются в карикатуру: вечно пьяный трудовик, от которого несёт перегаром, или физрук-солдафон, который орёт, но ничего не учит. Мальчик не видит в них достойного примера. Он видит ещё одно подтверждение: мужчина в этом мире — либо тряпка, либо клоун, либо быдло.

Три круга — бабушка, мама, учительница — замыкаются. Мальчик живёт внутри женской вселенной. В этой вселенной свои законы: не рискуй, не высывайся, слушайся старших, будь удобным, угадывай настроение, не показывай агрессию, не будь мужиком. Он выходит из этой вселенной в шестнадцать-семнадцать лет формально взрослым. Но внутри он — идеально выдрессированный мальчик, который ни разу не пробовал быть мужчиной.

А теперь вопрос. Что происходит с мальчиком, который одиннадцать лет провёл под женским контролем, когда он входит в пубертат? Когда просыпаются гормоны, агрессия, желание самоутвердиться, интерес к противоположному полу? У него нет мужской модели, как с этим обращаться. У него есть только женские запреты. «Это стыдно». «Это плохо». «Не смей».

И он делает то, что делает любой загнанный в угол мальчик. Он уходит в подполье. Начинается двойная жизнь. В школе он тихий и послушный. Дома — удобный сын и внук. А там,

где женский контроль не достаёт — а с определённого возраста он не достаёт уже нигде, — начинается другое.

Глава 5. Побег в никуда: игры, алкоголь, криминал и потребительство

Итак, мальчик вырос. Вернее, формально вырос. Ему пятнадцать, семнадцать, двадцать. Тело взрослое, гормоны кипят, а внутри — выдрессированный женским воспитанием ребёнок без мужского стержня, без понимания себя, без образа будущего. Он не знает, кто он. Он знает только одно: он не хочет быть тем, кого из него лепили. Но он не знает, как быть кем-то другим. И он начинает убежать.

Побег принимает разные формы. Кто-то уходит в виртуальный мир. Кто-то — в бутылку. Кто-то — в запрещённые вещества. Кто-то — в криминал. Кто-то — в потребительское, чисто физиологическое отношение к женщинам. Это не разные проблемы. Это один и тот же процесс, просто с разными декорациями. Попытка заглушить внутреннюю пустоту. Попытка доказать себе, что ты мужик. Попытка спрятаться от реальности, в которой ты не знаешь, как жить.

Начнём с самого массового. Компьютерные игры.

Нулевые и десятые — это бум игровой индустрии. Counter-Strike, World of Warcraft, Dota, позже — Fortnite, PUBG, World of Tanks и десятки других. Для миллионов мальчиков компьютер стал вторым домом. Точнее, первым. Потому что в реальном доме — мама с её ожиданиями, бабушка с её тревогой, школа с её унижением. А в игре — ты герой. Ты управляешь ситуацией. Ты побеждаешь. Ты чувствуешь себя сильным, умелым, значимым.

Игра даёт ему то, чего не дала реальность. Чёткие правила. Понятные цели. Мужскую конкуренцию. Братство в клане или команде. Ощущение прогресса. Вот ты нулевого уровня — и вот ты уже легенда. Это работает как наркотик, потому что в реальной жизни такого быстрого и явного успеха у него нет. В реальной жизни он троечник, или даже хорошист, но незаметный. С девушками не умеет общаться. Друзья — такие же потерянные. А в игре у него есть статус. Его уважают. С ним считаются.

Я знаю это не понаслышке. Я сам проходил через это. Почти пять лет моей жизни сожрали компьютерные игры, и главный пожиратель — World of Tanks, «танки». Это сейчас я могу спокойно об этом рассказывать. А тогда это была настоящая зависимость, которая высасывала из меня время, деньги, отношения с близкими и будущее.

Я помню, как всё начиналось. Просто поиграть вечером после учёбы или пар. Зашёл на часок, расслабиться. Потом час превратился в два. Два — в четыре. Четыре — в «посижу до утра, завтра отосплюсь». Знакомая картина? Уверен, многим знакома. Но «танки» — это особая тема. Там есть система доната. Можно играть бесплатно, но прокачка медленная, мучительная, снаряды слабые, техника — картон. А хочется крутой премиум-танк, хочется золотые снаряды, хочется быть на коне. И ты начинаешь платить.

Сначала немного. Карманные деньги, которые мама давала на обед, уходили в игру. Ходил голодным, но с новым премиумным танчиком в ангаре. Потом деньги кончились — началось худшее. Я начал красть у родителей. По-тихому. Сначала мелкие суммы — сто рублей, двести. Потом больше. Находил заначки, вытаскивал из кошелька, врал, что потерял, что нужно на учёбу. Внутри всё переворачивалось от стыда, но рука всё равно лезла в чужой карман. Зависимость сильнее стыда. Это правда.

Потом начал подрабатывать. Вроде бы нормальный шаг, да? Только толку от него не было. Всё, что зарабатывал, сливал туда же — в игру. Новый танк, новый скин, новые снаряды. Работал не ради будущего, не ради накоплений или развития. Работал, чтобы донатить. По сути, я был наркоманом, только моим веществом были пиксельные танки на экране монитора.

Ссоры с родителями были страшные. Они не понимали, что со мной происходит. Да я и сам не понимал. Крики, скандалы, ультиматумы. Мама плакала, отец пытался выбить из меня

дурь словами. Родители не знали, как достучаться. Я огрызался, врал, закрывался в комнате и снова садился играть. Отношения с семьёй разваливались на глазах. Я выбирал игру, а не их.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.